

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹ЕВРОПЕЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ: ОТ ДОЛЬЧИНО ДО Ж.-Ж. РУССО

Средневековая культура Европы выявила достаточно глубокий аспект понятия «справедливость». Она приобрела вертикальный смысл, оказалась приобщена к Богу; в религиозных учениях высказывалась новая идея — о внутреннем совершенстве человека как свидетельстве его социального статуса. Показательны в этом отношении воззрения христианского мыслителя Фомы Аквинского. По его мнению, несовершенные человеческие законы должны выверяться «естественными законами» и «божественными», что потенциально предполагает равенство людей перед Богом, «свободную волю» в утверждении любви и милосердия. Аквинский допускает протест подданных против невыносимой тирании, выступает за то, чтобы власть монарха была ориентирована на эти законы и считалась с «волей народа». И хотя Средневековье насыщено властным произволом (кровавые публичные казни, жестокие пытки при судебном разбирательстве, уничтожение населения непокорных городов и иноверцев), оно культивирует и элементы более цивилизованных форм общественной жизни.

В период классического Средневековья по Западной Европе прокатилась волна крестьянских восстаний, имевших достаточно большое историческое значение. Большинство из них хорошо известно и изучено. Во-первых, это восстание 1304–1307 гг. на северо-западе Италии под предводительством Дольчино (бывшего послушника монастыря францисканцев). Вполне в духе первохристианства он проповедовал общность имущества, отказ от частной собственности, поскольку она, являясь мотивом обогащения отдельных лиц, становится основной причиной социального неравенства и различных бедствий. Известно, что Дольчино был казнен, а восстание было подавлено².

Таким образом, крестьянские восстания были разнородны, их социальная и мировоззренческая зрелость была неодинаковой. Если Жакерия, по мнению ученых, была фактически бунтом, когда о требованиях восставших можно судить лишь по их действиям, то другие движения имели довольно четкие представления (программы) о социально

справедливых формах общественного и экономического устройства³. Большей частью (если речь идет о западноевропейской культуре) это относится к Великобритании.

В связи с этим интересно утверждение Алена де Бенуа, что «Жан Жорес в качестве предшественников социализма упоминает Лютера, Канта, Фихте и Гегеля» (курсив мой. — А. А.)⁴. Очевидно, что этот намек требует особого рассмотрения; известны высказывания Лютера о пользе внутренней торговли и бюргерской деловитости и предприимчивости, его критика внешней торговли и резкое осуждение ростовщичества. Также Лютер выступал против торговли предметами роскоши, которая развивает «щегольство и обжорство». Эта позиция имеет некоторую корреляцию с современностью, однако отнюдь не позволяет делать вывод о явной социальной направленности немецкого реформатора. Он осуждает праздность, критикует сословную иерархию, утверждая, что между людьми есть «лишь различие по должности и делу, а не по званию»⁵. Одновременно Лютер отмечает важнейшую роль труда в «призвании» человека. Это подтверждает буржуазный в целом характер его взглядов (элементы трудовой этики, думается, можно отнести к его симпатии к идеям раннего христианства).

Интересно, что в эти, казалось бы цивилизованные, времена имели место проявления обычного, примитивного представления о равенстве как признаке социальной справедливости. Так, во времена Французской революции в стране была ликвидирована Академия наук, погибли ученые. Одна из причин — широко распространенное в то время мнение (обоснованное Ж.-Ж. Руссо в 1752 г. в его трактате «Рассуждение о науках и искусствах»), что наука увеличивает отчуждение людей, ведет к усилению неравенства. Умственный труд рассматривался как привилегия аристократов и их сторонников, а следовательно, как причина усиления неравенства и проявления сословного общественного

³ Так, восстание английских крестьян под предводительством Роберта Кета (1549) выдвигало программу из 29 пунктов, большинство из которых имело социально-экономический характер. См.: Всемирная история экономической мысли: в 6 т. / МГУ им. М. В. Ломоносова; гл. ред. В. Н. Черковец. М., 1987. Т. 1. С. 186–187.

⁴ Бенуа А. де. Два лика социализма // Вопросы культурологии. 2006. № 4. С. 28.

⁵ Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации // Источники по истории Реформации. М., 1906. Вып. 1. С. 5.

¹ Главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист Института научных исследований и информации Российской академии госслужбы при Президенте РФ (Москва), кандидат философских наук.

² См.: Сказкин С. Д. Исторические условия восстания Дольчино. М., 1955. С. 29–31.

стройка. (Вспомним, подобные взгляды высказывались еще в Древнем Китае.)

Именно в этот период возникла необходимость разработки теоретической платформы для объявления существующей системы деления общества на «верх» и «низ» неправильной, несправедливой, требующей замены. В системном виде такая платформа была сформулирована Ж.-Ж. Руссо в работе «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», написанной в 1750-х гг.¹ По мнению Руссо, неравенство в человеческом обществе обусловлено двумя группами причин. «Первое неравенство» Руссо назвал естественным, или физическим, «потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, тесных сил, умственных или душевных качеств». «Второе неравенство» он назвал условным, политическим. Оно заключается «в различных привилегиях, которыми одни люди пользуются за счет других: как то, что они более почитаемы, более могущественны, чем другие, или даже заставляют их себе повиноваться». Это неравенство зависит не от природы, а от некоего соглашения между людьми. Поскольку основания такого соглашения, принятые в предыдущие времена, не выдерживают критики «просвещенного разума», то они могут и должны быть отменены. Равенство понималось Руссо прежде всего как отмена «привилегий»; общество «без привилегий» стало рассматриваться как идеал, социальное равенство — как обязательный атрибут справедливого социального устройства, борьба против социального неравенства — как борьба за социальную справедливость².

Подводя предварительные итоги этим рассуждениям, можно сказать, что история европейской культуры свидетельствует о тесной связи экономического и правового аспектов понятия справедливости при явном преимуществе первого. Конечно, законы общественного развития гласят, что хозяйственная жизнь является базисом политических и правовых отношений. Однако в случае такого сложного явления духовной жизни, как социальная справедливость, экономика и политика оказываются гранями единого целого, воплощением экономических и гражданских прав человека. В зависимости от того, какие мотивы преобладают в общественном сознании, справедливость как ценность может трактоваться в рамках двух основных подходов: нормативного и эмпирического. Согласно первому, справедливость (а также другие социальные ценности — солидарность, свобода, терпимость и пр.) является ведущей ценностью культуры, «идеалом», но идеалом активным. Согласно второму, справедливости как таковой нет в принципе, а есть материальные условия, улучшение которых способно заменить собой общественный прогресс (точнее, изменить качество прогресса). Это подвигает человека к постепенному «расширению» границ своего бытия, но в рамках того социального уклада, который наличествует в данное время.

Очевидно, что различение нормативного и эмпирического подходов к социальной справедливости

в некоторой мере условно и основано на осмыслении особенностей так называемых вертикальных устремлений (то есть устремлений, в которых человек пытается соотнести свое существование с Вечностью) и горизонтальных (непосредственных личных) интересов человека. Вертикальные устремления не абсолютно оторваны от насущных потребностей индивида, ибо именно идеалы, нормы и ценности раскрывают перед ним более обширные перспективы для деятельности. Вертикальные устремления чрезвычайно важны для человека, поскольку ценности свободы, равенства, уважения человеческого достоинства, солидарности людей определяют перспективы дальнейшего совершенствования общественных отношений. Нормативное толкование выражает гуманистический идеал, который ориентирует основных участников политического процесса на общественно-ценное поведение³.

Возвращаясь к утверждению французского исследователя проблем современного социализма Алена де Бенуа о том, что национальный социализм во многих аспектах вообще сливается с национализмом, что «Жан Жорес в качестве предшественников социализма упоминает Лютера, Канта, Фихте и Гегеля, то есть тех людей, которых не без основания считают основополагающими теоретиками современного национализма» (курсив мой. — А. А.)⁴, можно сказать, что и этот тезис, по нашему мнению, также требует дополнительного исследования. С одной стороны, у Гегеля встречаются высказывания против чрезмерного содержания права собственности: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы. Та доля государственной власти, которую приобрел для себя отдельный индивидуум, потеряна для власти всеобщего»⁵. С другой стороны, великий философ представлял право собственности в качестве главного звена новоевропейского мировоззрения: «В государстве нового времени обеспечение собственности — это ось, вокруг которой вращается все законодательство и с которой так или иначе соотносятся большей частью права граждан»⁶. Очевидно, что великий мыслитель признавал важность и правоту обоих этих тезисов, находясь в поисках золотой середины между социальными ценностями и правом собственности как условием эмансипации современного человека. Эти позиции дают основание для дополнительного исследования по данному вопросу.

Таким образом, эти три направления исследований — экономическо-правовое, национальное и культурное — представляются нам магистральными для современного определения понятия социальной справедливости и социалистической идентичности как политической артикуляции последней.

³ См.: Семенова Р. У. Демократия как ценность: нормативный и эмпирический подходы // Вопросы культурологии. 2005. № 4. С. 15–17.

⁴ Бенуа А. де. Указ. соч. Подробнее о социально-философских и исторических взглядах великого французского социалиста см.: Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М., 1976.

⁵ Гегель Г. Политические произведения. Конституция Германии. М., 1978. С. 184.

⁶ Гегель Г. Работы разных лет: в 2 т. М., 1971–1973. Т. 1. С. 225–226.

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

² См. подробнее: Литвинов В. А. Волшебное слово «справедливость» (социально-экономический очерк) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2000. № 3–4.